

*Посвящается
Терезе Парк и Грегу Ирикуре,
моим друзьям*

От автора

Я, как всегда, хотел бы вначале поблагодарить Кэти, мою жену и мою мечту. Наши двадцать лет были изумительными, и, просыпаясь утром, я прежде всего думаю о том, как счастлив провести эти годы с тобой.

Мои дети — Майлз, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна — источники бесконечной радости в моей жизни. Я люблю вас.

Джейми Рааб, мой редактор в «Гранд-Сентрал паблишерз», неизменно заслуживает моей благодарности не только за блестящее редактирование, но и за доброту, которую она всегда мне выказывает. Спасибо.

Дениз Ди Нови, продюсер «Послания в бутылке», «Спешите любить», «Ночей в Роданте» и «Счастливчика», не только гений, но и одна из самых дружелюбных людей, которых я знаю. Благодарю за все.

Дэвид Янг, руководитель «Ашett бук груп», заслужил мое уважение и благодарность за те годы, что мы работаем вместе. Спасибо, Дэвид.

Дженнифер Романелло и Эдна Фарли, мои издатели, не только хорошие друзья, но и прекрасные люди. Благодарю за все.

Харви-Джейн Кауэл и Сона Вогел, как обычно, заслужили мою благодарность хотя бы лишь потому,

что я всегда задерживаю свои рукописи, что сильно затрудняет их работу.

Хоуи Сандерс и Кия Хаятьян, мои непревзойденные литературные агенты! Спасибо за все, приятели.

Скотт Швиммер, мой поверенный, — самый лучший в своем деле. Спасибо, Скотт!

И мое спасибо Марти Боуэну, продюсеру «Дорогого Джона», а также Линн Харрис и Марку Джонсону.

Аманда Кардинале, Эбби Кунс, Эмили Суит и Шэрон Красней также заслуживают моей благодарности. Я ценю все, что вы делаете.

Семья Сайрус заслуживает моей благодарности не только за то, что приняла меня в своем доме, но и за все, что сделала для фильма. И моя особая благодарность — Майли, выбравшему имя для Ронни. Едва услышав его, я понял: это идеальный вариант.

И наконец, благодарность Джейсону Риду, Дженнифер Джибгот и Адаму Шенкману за их работу над киноверсией «Последней песни».

ПРОЛОГ

Ронни

Глядя в окно спальни, Ронни гадала, успел уже пастор Харрис прийти в церковь или нет. Скорее всего, пришел. И, наблюдая, как волны разбиваются о берег, она задавалась вопросом: сумеет ли он по-прежнему любоваться игрой света, струившегося в витражах над его головой? Возможно, нет: витражи были установлены более месяца назад, а пастор слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на окружающих. Все же она надеялась, что кто-то из новых прихожан забредет сегодня в церковь и испытает то же ощущение чуда, которое посетило ее, когда она впервые увидела свет, наполняющий церковь, в тот холодный ноябрьский день. И еще она надеялась, что посетитель найдет время подумать о том, откуда взялись витражи, и восхищаться их красотой.

Она не спала уже около часа, но еще не была готова встретить новый день. Каникулы в этом году ощущаются как-то иначе. Вчера она повела младшего брата Джону на прогулку по берегу. На верандах домов, мимо которых они проходили, то тут, то там виднелись рождественские ели. В это время года здесь оставалось совсем мало людей, но Джону не

интересовали ни волны, ни чайки, забавлявшие его всего несколько минут назад. Он хотел одного: бежать в мастерскую, — и Ронни отвела его туда, хотя он провел там всего несколько минут, прежде чем без единого слова уйти.

На тумбочке рядом с кроватью лежала стопка фотографий в рамках, которые она утром забрала из ниши маленького пляжного домика. Ронни в тишине рассматривала их, пока не услышала стук. Мама просунула голову в дверь.

— Завтракать будешь? Я нашла в буфете овсяные хлопья.

— Я не голодна, мам.

— Нужно хоть что-то съесть, милая.

Ронни продолжала смотреть на грудку фотографий отсутствующим взглядом.

— Я была не права, мам. И теперь не знаю, что делать.

— Это ты об отце?

— Обо всем.

— Хочешь поговорить?

Не дождавшись ответа, мать подошла и села рядом.

— Иногда совсем неплохо выговориться. Сразу легче становится. Последние дни от тебя слова не дождешься.

Волна воспоминаний нахлынула на Ронни: пожар и восстановление церкви, витражи, песня, которую она наконец закончила.

Ронни думала о Блейзе, Скотте и Маркусе. И об Уилле, конечно. Ей всего восемнадцать, но позади осталось лето, когда ее предали. Когда арестовали. То лето, когда она влюбилась. Все случилось совсем недавно, и все же иногда она чувствовала, что тогда была другим человеком.

— Как насчет Джоны? — вздохнула она.

— Его нет. Брайан повел его в обувной. Он совсем как щенок, у которого ноги растут быстрее всех остальных частей тела.

Ронни улыбнулась, но улыбка померкла так же быстро, как появилась. Мама молча собрала ее волосы и скрутила в конский хвостик на затылке. Она делала это с тех пор, когда дочь была совсем маленькой. И, как ни странно, Ронни и сейчас это успокаивало.

— Скажу тебе вот что, — продолжала мама, подходя к шкафу и ставя чемодан на кровать. — Почему бы нам не поговорить, пока складываешь вещи?

— Я даже не знаю, с чего начать.

— Лучше всего сначала. Джона что-то упоминал о черепахах?

Ронни скрестила руки, зная, что история началась раньше.

— Не совсем. Хотя, когда это случилось, меня там не было; думаю, что на самом деле лето началось с пожара.

— Какого пожара?

Ронни потянулась к фотографиям, осторожно вынула лежавшую между двумя рамками потертую газетную вырезку и протянула матери.

— Вот какого. В церкви.

**Полиция подозревает,
что причина поджога церкви —
запрещенный фейерверк. Пострадал пастор.**

Райтсвилл-Бич, Северная Каролина. Пожар уничтожил историческое здание первой баптистской церкви в самый канун Нового года, и следователи подозревают, что причина — запущенная петарда.

Пожарных вызвали анонимным звонком. По словам начальника пожарной команды

Райтсвилл-Бич Тома Райана, они, прибыв в начале первого на берег, где находилась церковь, обнаружили огонь и дым, вырывавшиеся из задней части строения.

На месте источника возгорания были найдены остатки бутылочной ракеты от фейерверка.

Пастор Чарли Харрис находился в церкви, когда начался пожар, и был госпитализирован в региональный медицинский центр Нью-Гановера с ожогами второй степени на ногах и руках. В настоящее время проходит курс лечения в отделении интенсивной терапии.

Это уже вторая сторевшая церковь за два месяца в округе Нью-Гановер. В ноябре ковенантская церковь Доброй Надежды была уничтожена полностью.

— Полицейские до сих пор считают этот пожар подозрительным, называют наиболее вероятной причиной поджог, — отметил Райан.

Свидетели показывают, что менее чем за двадцать минут до пожара видели бутылочные ракеты, которые запускались с берега за церковь, — возможно, в честь наступления Нового года.

— Бутылочные ракеты, запрещенные в Северной Каролине, особенно опасны в нынешнюю засушливую погоду, — предупреждает Райан. — Этот пожар ясно показывает, почему именно. Человек в больнице, а церковь полностью сторела.

Когда мама закончила читать и вопросительно посмотрела на дочь, та поколебалась, но потом со вздохом начала рассказывать историю, по-прежнему казавшуюся ей совершенно бессмысленной, даже сейчас, когда все осталось в прошлом.

Ронни

Шесть месяцев назад

Ронни съезжилась на переднем сиденье машины, гадая, почему, спрашивается, мать и отец так ее ненавидят. Она решительно не могла понять, почему ей пришлось приехать к отцу, в эту безнадежную южную глушь, к черту на рога, вместо того чтобы проводить время с друзьями на Манхэттене.

Нет, оставим это. Она не просто навещает отца. Навещать — означает пробыть здесь один-другой уикенд, может, даже две недели. Положим, просто визит вежливости она еще могла бы вынести. Но остаться почти до конца августа? Почти на все лето?! Настоящая ссылка! Почти все девять часов, которые заняла поездка, она чувствовала себя заключенной, которую переводят в провинциальную тюрьму. Невозможно поверить, что мать действительно решила отправить ее сюда!

Ронни была так погружена в собственные горестные мысли, что не сразу узнала моцартовскую шестнадцатую сонату до мажор. Одна из вещей, которую она играла в Карнеги-холле четыре года назад. Должно быть, мама поставила ее, пока Ронни спала. Жаль, конечно, но...

Ронни потянулась, чтобы выключить звук.

— Зачем это ты? — нахмурилась мама. — Люблю слушать, как ты играешь.

— А я — нет.

— Может, просто приглушить звук?

— Прекрати, мам! Я не в том настроении, — буркнула Ронни и отвернулась к окну, прекрасно сознавая, что губы мамы плотно сжаты. Последнее время это вошло у нее в привычку. Можно подумать, ее рот намагнитили!

— Я, кажется, видела пеликана, когда мы переезжали мост к Райтсвилл-Бич, — заметила мама с деланой веселостью.

— Вот здорово! Может, тебе следовало бы позвать Охотника на крокодилов?

— Он умер, — сообщил Джона, перекрывая писк игровой приставки. Ее девятилетний младший братец-надоеда обожал это шоу. — Неужели не помнишь? Такая жалость!

— Конечно, помню.

— По твоему голосу что-то непохоже.

— Но я все равно помню.

— В таком случае не следовало говорить то, что ты сейчас сказала.

На этот раз она не потрудилась ответить. Брату всегда необходимо было оставить за собой последнее слово, и это буквально сводило Ронни с ума.

— Ты хоть немного вздремнула? — спросила мама.

— Пока ты не угодила колесом в эту рытвину. Кстати, большое за это спасибо! Я едва не разбила головой стекло!

Взгляд матери оставался прикованным к дороге.

— Рада, что сон привел тебя в хорошее расположение духа.

Ронни сунула в рот жвачку и усердно заработала челюстями. Мать ненавидела подобные вещи, а дочь назло безостановочно жевала, пока они ехали по I-95. Ронни чувствовала себя подавленной, и это шоссе

казалось самым тоскливым отрезком пути. Омерзительно жирный фаст-фуд, грязные придорожные туалеты и миллиарды сосен... Серая монотонность могла убаюкать любого пассажира.

Именно это Ронни и твердила матери в Делавэре, штат Мэриленд, и в Виргинии, но мать каждый раз решительно отметала ее жалобы. И вообще, если не считать того, что мать старалась быть вежливой, поскольку виделись они в последний раз перед долгой разлукой, она почти не разговаривала. Ей было тяжело вести машину, тем более что раньше они либо ездили в метро, либо брали такси. В их квартире мать вела себя по-другому, и управляющий домом за последние два месяца заходил несколько раз, чтобы просить ее поменьше шуметь. Мама, возможно, считала, что чем громче она кричит на Ронни из-за плохих оценок, или не тех друзей, или по поводу того, что дочь постоянно нарушает свой «комендантский час», или ИНЦИДЕНТ, особенно ИНЦИДЕНТ, тем вероятнее, что она послушается и начнет исправляться.

Ладно, она не худшая на свете мать. Точно не худшая. А когда на Ронни находил приступ великодушия, она даже признавала, что мама совсем неплоха. Просто ее сознание застряло в том искривленном временном периоде, когда дети навсегда оставались маленькими. Ронни в сотый раз пожалела, что родилась в мае, а не в августе. Теперь бы ей уже исполнилось восемнадцать и мать не смогла бы ее ни к чему принудить. С точки зрения закона она была бы достаточно взрослой, чтобы самостоятельно принимать решения. И скажем прямо: поездка к отцу отнюдь не значилась в списке ее желаний.

Но пока что у Ронни просто не было выбора. Потому что ей все еще было семнадцать. Ах эти происки

календаря! Почему мать забеременела на три месяца раньше, чем следовало бы? И что из этого следует?

Как бы униженно ни просила, ни жаловалась, ни вопила и ни ныла Ронни, летние планы остались неизменными. Ронни и Джона проведут лето с отцом, и все тут! Никаких «если», «и» или «но», как обычно выражалась мама. Ронни просто ненавидела эту манеру.

Едва они пересекли мост, начались заторы на дороге, и машины еле ползли. В стороне между домами поблескивала вода. Океан! Бр-р! Можно подумать, ей это интересно!

— Почему ты заставляешь меня это делать? — снова проронала она.

— Мы уже все обсудили. Тебе следует провести немного времени с отцом. Он скучает.

— Но почему все лето? Почему не пару недель?

— Вам нужно побыть вместе больше, чем пару недель. Ты не видела его три года.

— Но я не виновата. Он сам от нас ушел.

— Да, но ты не подходила к телефону, когда он звонил. И каждый раз, когда приезжал в Нью-Йорк повидаться с тобой и Джоной, ты его игнорировала и таскалась по всему городу со своими друзьями.

— Не хочу его видеть. И говорить не хочу! — отрезала Ронни.

— Попытайся вести себя прилично, договорились? Твой отец хороший человек и любит тебя.

— И поэтому бросил нас?

Вместо ответа мать глянула в зеркало заднего вида.

— А ты, Джона? Наверное, ждешь не дождешься встречи с отцом?

— Шутишь? Да это потрясная идея!

— Я рада, что ты так славно настроен. Может, ты сумеешь научить этому сестру.

— Ну да, как же, научишь ее! — фыркнул он.

— Все равно не понимаю, почему я не могу провести лето с друзьями! — заныла Ронни, пытаясь настоять на своем. Она еще не сдалась, и хотя понимала, что шансы равны нулю, все же лелеяла мечту убедить маму развернуться и поехать обратно.

— То есть ты предпочла бы постоянно торчать в клубах? Я не так наивна, Ронни! И знаю, что творится в подобных местах.

— Я ничем таким не занимаюсь, мам!

— А как насчет плохих отметок? Твоего условного срока? И...

— Нельзя ли поговорить о чем-то другом? Например, почему так необходимо проводить время с отцом?

Мать не сочла нужным ответить, и Ронни вполне сознавала, что на это у нее есть веские причины.

Поток машин неожиданно пришел в движение, и они проехали еще полквартила, прежде чем снова остановиться. Мать подняла стекло и попыталась понять, что творится впереди.

— Не понимаю, что происходит, — пробормотала она. — Откуда такая пробка!

— Это все пляж. Там всегда полно народу, — пояснил Джона.

— Всего три часа дня и воскресенье! Час пик еще не наступил!

Ронни подобрала ноги, живо ощущая, как ненавистна ей такая жизнь и все, что вокруг нее.

— Слушай, мам, — спросил Джона, — папа знает, что Ронни арестовывали?

— Знает.

— И что теперь сделает?

На этот раз ответила Ронни:

— Ничего он не сделает. Можно подумать, его интересует что-то, кроме пианино!

Сама Ронни ненавидела пианино и клялась, что больше никогда не будет играть, — решение, которое находили странным даже лучшие друзья, поскольку музыка была огромной частью ее жизни, сколько она себя помнила. Ее отец, когда-то преподававший в джультардской школе, учил музыке и дочь, и та очень долго сгорала от желания не только играть, но и сочинять музыку вместе с ним.

Она была очень талантлива. Очень! Благодаря связям отца в Джульярде дирекция и педагоги знали о ее способностях. В том замкнутом круге, где проходила жизнь ее отца, существовал девиз: «Классическая музыка превыше всего!» В этом же музыкальном мире вскоре стали распространяться слухи о ее гениальности. За слухами последовали пара статей в специализированных журналах, а затем большое интервью в «Нью-Йорк таймс», в котором подчеркивалась духовная связь отца с дочерью. Все это четыре года назад неизбежно привело к столь желанным для многих молодых музыкантов выступлениям в Карнеги-холле. Это, вероятно, стало пиком ее карьеры. Именно пиком, Ронни отнюдь не было свойственно недооценивать свои успехи. Она прекрасно сознавала, как редко выпадают на долю начинающих исполнителей подобные возможности, но последнее время то и дело задавалась вопросом, стоило ли приносить все эти жертвы. Никто, кроме родителей, скорее всего? не помнил о ее выступлениях. И всем было плевать. Ронни давно усвоила, что, если у тебя нет популярного видео на «Ютубе» или если не можешь выступить перед многотысячными аудиториями, талант ровным счетом ничего не значит.

Иногда она жалела о том, что отец не дал ей в руки электрогитару или по крайней мере не отвел на

вокал. Чем можно заняться, имея способности только к игре на фортепьяно? Давать уроки музыки в местной школе? Или играть в вестибюле отеля, пока люди регистрируются у стойки? Или жить такой же нелегкой жизнью, как у отца? Подумать только, до чего довело его фортепьяно! Кончилось тем, что он ушел из Джульярда, чтобы стать гастролирующим пианистом, но оказалось, что играть приходится в никому не известных залах перед парой десятков зрителей. Он путешествовал сорок недель в году — достаточно долго, чтобы поставить под удар семейную жизнь. Не успела Ронни опомниться, как мать стала постоянно орать и скандалить с домашними, а отец, как всегда, замыкался в своей раковине, пока в один прекрасный день вообще не вернулся домой из долгого турне по южным штатам. Насколько знала Ронни, теперь он совсем нигде не работал. Даже не давал частных уроков.

«И каково тебе приходится, отец?»

Ронни покачала головой. Ей мучительно не хотелось ехать туда. Видит бог, она не желает иметь со всем этим ничего общего.

— Эй, ма! — позвал Джона. — Смотри, что там? Колесо обозрения?

Мать вытянула шею, пытаясь увидеть хоть что-то.

— По-моему, да, милый. Наверное, приехал цирк с аттракционами.

— А можно нам пойти? После того как поужинаем вместе?

— Тебе придется спросить папу.

— Да, а потом можно посидеть у костра и поджарить зефир, — вставила Ронни. — Как будто мы одна большая счастливая семья.

На этот раз мать и брат сочли за благо пропустить ее замечание мимо ушей.

— Как по-твоему, у них есть еще аттракционы? — допытывался Джона.

— Уверена, что есть. И если папа не захочет тебя отвести, с тобой пойдет сестра.

— Класс!

Ронни обмякла на сиденье. Следовало догадаться, что мама предложит что-то в этом роде! Страшно подумать, какая тоска ее ожидает!

Стив

В ожидании приезда детей Стив Миллер в полном самозабвении отдавался музыке. Теперь уже скоро. В любую минуту.

Пианино стояло в небольшой нише, рядом с маленькой гостиной пляжного бунгало, которое Стив теперь именовал домом.

За спиной были расставлены предметы, хранившие память о прошлом. Не слишком-то их много. Если не считать пианино, Ким смогла упаковать его пожитки в одну коробку, а у него ушло менее получаса, чтобы все расставить по местам. Фотография, на которой его родители и он, совсем еще мальчик. Еще один снимок: он подростком играет на фортепьяно. Это фото висит между полученными им дипломами Чейпл-Хилл и Бостонского университета. Чуть ниже — благодарственная грамота от руководства Джульярда, где он преподавал пятнадцать лет. Около окна — три расписания в рамках с указанием дат турне. Но больше всего он дорожил снимками Джоны и Ронни. Часть висела на стене, часть, вставленная в рамки, стояла на пианино. Каждый раз, глядя на них, он вспоминал о том, что, несмотря на благие намерения, его ожидания не оправдались.

Вечернее солнце тянулось в комнату косыми лучами, отчего воздух все больше нагревался и на лбу